

Об одном образном сравнении в романе Ф. Достоевского *Братья Карамазовы* («зол ..., как зеленый осел»)

Жукова М.Ю., Като Ю.

1

Как известно, идиостиль писателя особенно ярко проявляется в уникальных образах используемых им сравнений. В данной статье проанализировано индивидуально-авторское сравнение “**зол ..., как зеленый осел**” в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”, употребленное автором единственно в IV части романа (Кн. 10, Мальчики) [Достоевский, 14: 496] и остающееся без комментариев во всех известных нам изданиях романа.

Традиционно в литературоведении функциями сравнения как художественного приема, в первую очередь, считаются изобразительные функции. Анализ данного сравнения, использованного Достоевским, на наш взгляд, позволяет также частично раскрыть авторский замысел, а именно — полнее представить концептуальную художественную авторскую задачу в запланированном, но так и оставшемся неосуществленным продолжении великого романа.

2

Согласно свидетельствам современников, продолжением «Братьев Карамазовых», по замыслу автора, должен был стать новый роман «Дети». Главными героями нового произведения Достоевский предполагал сделать *мальчиков* своего предыдущего романа. Причем, как пишет М.М. Дунаев, особенная роль могла быть отведена Коле Красоткину, «по молодой неискушенности своей успешному хвататься всех тех пошлых идей, которыми изобильно отравляет человека либерально-прогрессивное просветительское сознание» [Дунаев 1997: 516].

Итак, обратимся к тому месту в произведении, где в речи Коли

Красоткина с указанным выше сравнением впервые упоминается его гимназический учитель, классик (т. е. преподаватель латинского и греческого языков и литературы) Колбасников:

« А Колбасников **зол** теперь у нас на всех, **как зеленый осел** [выделено нами. – *М.Ж., Ю.К.*]. Ты, Илюша, слышал, он ведь женился, взял у Михайловых приданого тысячу рублей, а невеста рыловорот первой руки и последней степени. Третьеклассники тотчас же эпиграмму сочинили:

Поразила весть третьеклассников,
Что женился неряха Колбасников.

Ну и там дальше, очень смешно, я тебе потом принесу»

[Достоевский, 14: 496].

Через некоторое время Коля вновь (во второй и в последний раз) возвращается к личности своего учителя. Однако на этот раз негативный образ учителя у него вдруг меняется на позитивный. Здесь следует заметить, что подобная «скачкообразность», переменчивость и одновременно безапелляционность в оценках является одной из главных черт речевой характеристики данного героя. В научной литературе, посвященной поэтике романа Достоевского, уже отмечалось сходство Коли Красоткина и Ивана Карамазова (их характеров, некоторых поступков и мнений). Так, по мнению В.Е. Ветловской, этим сходством писатель сознательно «компрометирует Ивана и его мнения» [Ветловская 2007: 66]. В этом свете нам представляется, что искушение, которому Коля подвергает мужика, а именно: «...если эту самую телегу чуточку теперь тронуть вперед – перережет гусю шею колесом или нет?» [Достоевский, 14: 495-496] имеет в романе достаточно четкую параллель с разговором о поездке в Чермашню между Иваном Карамазовым и Смердяковым: «с умным человеком и поговорить любопытно» [Достоевский, 14: 243-250; 15: 45-47]. Очевидно, что не устоявшаяся натура молодого человека в

потенции могла быть реализована в совершенно разных направлениях и ипостасях. Но вернемся к тексту романа. Итак, повторно имя классика Колбасникова (но уже не в качестве объекта насмешек, а в роли авторитетного лица) всплывает в разговоре в связи с самой темой изучения в гимназии классических языков:

«...Коля раздражился уже совсем.

– Опять эти классические теперь у нас языки: одно сумасшествие, и ничего больше... Вы опять, кажется, не согласны со мной, Карамазов?

– Не согласен, – сдержанно улыбнулся Алеша.

– Классические языки, если хотите всё мое о них мнение, это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, <...> в душе глубоко презираю классицизм и всю эту подлость... Не соглашаетесь, Карамазов?

– Ну зачем же «подлость»? – усмехнулся опять Алеша.

– Да помилуйте, ведь классики все переведены на все языки, стало быть, вовсе не для изучения классиков понадобилась им латынь, а единственно для полицейских мер и для отупления способностей. Как же после того не подлость?

– Ну кто вас этому всему научил? – воскликнул удивленный наконец Алеша.

– Во-первых, я и сам могу понимать, без научения, а во-вторых, знайте, что это же самое, что я вам сейчас толковал про переведенных классиков, говорил вслух всему третьему классу сам преподаватель Колбасников...»

[Достоевский, 14: 497-498].

Роман «Братья Карамазовы» создавался в 1878-1880 годах, поэтому, отмечают исследователи, в нем воспроизводится «духовный климат» середины и конца 1870-х [Достоевский, 15: 451], однако формально действие романа протекает в середине 1860-х годов, точнее оно оказалось приуроченным к 1866 г. В этой связи следует отметить тот факт, что

начало газетной полемики по поводу введения классического образования в России относится к 1865 году, когда был принят и начал действовать закон о печати. Этой полемике предшествовала так называемая «педагогическая дискуссия 1856-1863 гг.», в которой ее участниками высказывались совершенно противоположные соображения по поводу целесообразности этой меры. Например, за использование в обучении преимущественно переводов классических авторов выступал известный журналист Н.И. Греч, в то время как выдающийся врач Н.И. Пирогов настойчиво ратовал против утилитаристских подходов, характерных для литературного критика Д.И. Писарева и других представителей радикального направления в тогдашней российской общественной мысли [Измestьева 2003: 114-131, особенно 125-126].

Будучи сторонником системы классического образования, Достоевский в своих записных тетрадях 1872-1875 гг. замечал, что «там, где образование началось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появилось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) ... и расширения человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)» [Достоевский, 21: 268]. К этому времени (т. е. к середине 1870-х) сторонники классического образования в России уже одержали победу. Этот факт очень важен, поскольку он дает нам возможность перейти уже непосредственно к анализу сравнения «зол ..., как зеленый осел», употребленного юным героем Достоевского при характеристике своего гимназического преподавателя классических языков.

3

В русском языке имеются устойчивые выражения: *позеленеть от злости*, что означает «крайнюю степень гнева», а также *глуп как осел* (обычно употребляется в отношении упрямого и недалекого человека). Конечно, при определенной доле фантазии, может показаться, что Достоевский объединяет (смешивает) оба этих выражения для получения

новаторского авторского сравнения, сгущающего образ и усиливающего эмоцию. Совершенно очевидно, что такой подход удовлетворял многих, и до настоящего времени исследователями Достоевского не поднимался вопрос о каком-либо другом подходе к трактовке этого образного сравнения. Следовательно, внимание переводчиков до сих пор также не было привлечено к затронутой нами проблеме. Переводы на другие языки (английский, японский, китайский и т.д.) данного выражения в романе Достоевского делались по этой версии, т.е. как индивидуальное авторское сравнение, объединившее в себе два устойчивых выражения сравнения (конкретно о японском переводе исследуемого фрагмента текста романа Достоевского авторами готовится отдельная статья).

Не отвергая полностью возможность такой трактовки, мы предлагаем, однако, другой вариант. Наша гипотеза, напротив, обращена к литературной традиции и предполагает использование писателем в данном случае одного из широко известных, можно даже сказать, хрестоматийных литературных образов, а именно: образа «зеленого осла» из одноименной басни Ивана Хемницера (1745-1784). Во времена Достоевского И.И. Хемницер – это самый издаваемый в России автор XVIII века (36 изданий до 1855 г.), наиболее часто переиздавались его басни в 30-х и 40-х годах. Надо также отметить, что «Зеленый осел» (1773 г.) – одна из самых популярных басен этого сочинителя. В 1873 г. в Петербурге было опубликовано академическое издание сочинений поэта. Помимо басен в собрание вошли его путевые дневники и другие материалы. Вероятно, сам Хемницер выделял эту басню среди прочих. Так, например, он с юмором упомянул о ней при описании своего прибытия (в качестве российского консула) в турецкий город Смирна осенью 1782 г.: «... съехав с яхты на берег, вся набережная покрыта была народом, собравшимся смотреть меня. Согрешил я тут, что вспомнил о собственных стихах: по улицам смотреть зеленова осла кипит народу без числа» [Хемницер 1873: 63].

Полностью текст этой известнейшей басни приведен нами в Приложении (см. ниже). Здесь же обратим внимание на заключительную «мораль» этого произведения:

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глушцов на разум наводить, –
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глушцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

Таким образом «зеленый осел», т. е. дешевая сенсация, последний крик моды, предмет всеобщего увлечения, поклонения и подражания, с течением времени становится никому не интересен. В середине 1870-х годов такие общественные типы как «классик» Колбасников формально оказались проигравшими (пусть даже временно и только в узкой области народного просвещения) и, как казалось Достоевскому, потеряли свой быллой авторитет. И вот часть этого позднейшего «духовного климата» переносится Достоевским (как и во многих других местах романа) на реалии середины 1860-х годов, когда время еще не выявило победителя в споре о классическом образовании. В этом контексте «зол ..., как зеленый осел» Колбасников оказывается вовсе не по причине своей неудачной женитьбы, а (в представлении Достоевского) в результате своей идейной импотенции и экзистенциального проигрыша. На наш взгляд, такой литературный прием можно назвать ретроспективным авторским оценочным вторжением. С другой стороны, вкладывая подобное сравнение (авторский маркер) в уста своего юного героя, писатель тем самым определяет для нас вектор развития образа Коли в уже запланированном продолжении романа: преодоление юношеской незрелости, подражательности и приобретенного нигилизма, а также развитие уже заложенных в его характере положительных качеств (искренность, сострадательность, стремление к справедливости).

В заключение подчеркнем, что в настоящей статье мы сознательно не

затрагиваем те современные работы, в которых рассматривается вопрос относительно предположительного замысла Достоевского (продолжение романа «Братья Карамазовы»). В качестве наиболее известных работ такого рода назовем работы Икуо Камэяма в Японии и А.С. Разумова [Разумов 2013] в России. Их анализ потребовал бы отдельной статьи. Отметим лишь одно: появление подобных сочинений не только отражает растущий интерес к обозначенной теме, но и свидетельствует в пользу действительно существующей, но до сих пор не решенной исследовательской проблемы.

Литература

1. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: «Пушкинский Дом», 2007. – 640 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. (33-х кн.) Л.: «Наука», 1972-1990.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Часть III. М.: «Христианская литература», 1997. – 576 с.
4. Измestьева Г.П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: «Пробел-2000», 2003. – 335 с.
5. Разумов А.С. Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы». Читаем ненаписанное продолжение великого романа. М.: «Либроком», 2013. – 128 с.
6. Хемницер И.И. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографической статьей и примечаниями Я. Грота. СПб.: «Издание Второго отделения Имп. Академии Наук», 1873. – 434 с.
7. Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Л. Степанова, примеч. Л.Е. Бобровой и В.Э. Вацууро. И М.-Л.: «Советский писатель» (Библиотека поэта; Большая серия), 1963. 2-ое изд. – 384 с.

Приложение

Иван Хемницер

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛ*

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;
И старики, и молодые,
И малый, и большой,
Где ни взялись, кричат: “Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!
О чем слыхом доселе не слыхать!
Нет, – город весь кричит, – нет, чудеса такие
Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали”.
По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмости подставляют:
Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков, и спереди, и сзади забегая.

Что ж? Два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, робят чтоб укачать,

Кота уж полно припевать, –
Осла зеленого робятам припевали.

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить, –
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

*Примечание:

Зеленый осел. Вольный перевод басни Геллерта “Der grüne Esel”.
Впервые – изд. 1782 г., ч. 2, стр. 31. Вариант начата басни, записанный в
“памятной книжке” Хемницера (изд. Грота, стр. 418): “В басню Зеленого
осла начало:

Иной шутя дурачество заводит
И дураков прямых наружу тем выводит.
Или:
Иной дурачество из шутки затевает
И множество глупцов прямых тем обличает”.

Сюжет басни Геллерта восходит к басне Абстемия “De vidua et asino viridi”
 (“О вдове и зеленом осле”).

Кота уж полно припевать – т. е. петь колыбельную песню про
кота. [Хемницер 1963: 97-98, 312].